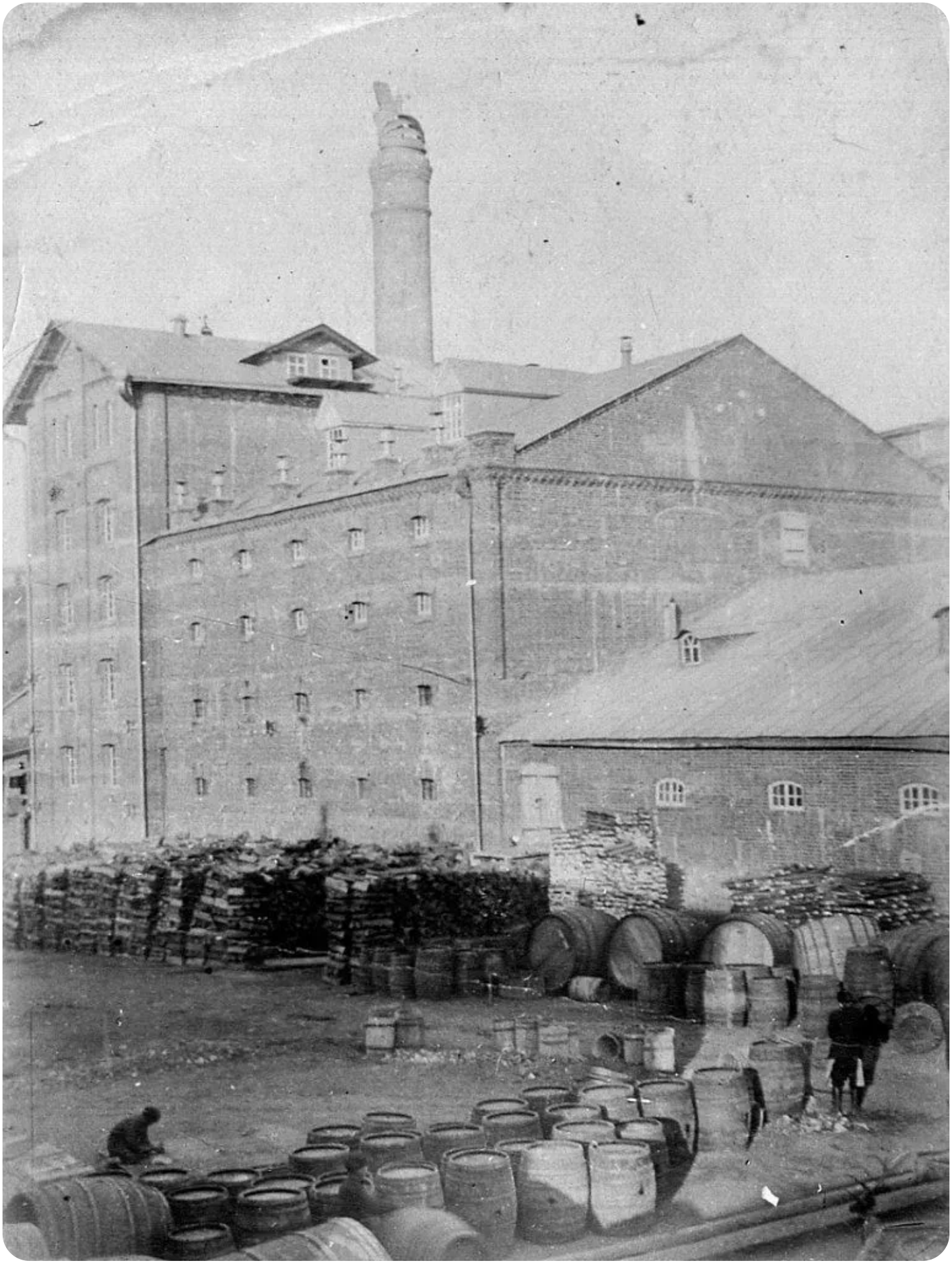

Вольному воля

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Софья Волошина
Ссылка на публикацию

Ему снились заводи, в которых он играл, будучи ребёнком. Запах леса, шум волн и небо, бесконечно прекрасное небо, отражающееся в их озере. Беззаботное время!..

Мира пробудился от заводского гудка, взмахнул хвостом и принялся за работу – еду давали только тем русалкам, которые выполняли полуденную норму. Вонючие кишки морских рыб – не бог весть какие лакомства, но заводским лишь бы брюхом кверху не всплыть. Говорят, что на жемчужном промысле кормили свежаком, но, наверное, врут – какой человек станет русалку свежей рыбой кормить!

Их, заводских мусорщиков, было всего-ничего. Один мальчишка-сиротка, которого по малолетству и скудоумию на другую работу не брали, два старика: дряхлый и седой, как луна, а второй может и не так стар, зато полуслепой от плавниковой гнили; да Мира. Мира по малым годам попался в сеть и сильно покалечил плавник и жабры по одной стороне, потому для другой работы не был пригоден.

Втроем тяжко было… Иногда нет да нет находили на дне железяку, да такую огромную – одной хватило б на дневную норму, но втроем не поднять. Возятся, пилят, а к обеду ни один не успевает, вот и сидят впроголодь. Ну или отправляют Миру, как самого проворного таскать напиленное, на одну норму набирают и делят на троих. Хотя что там делить-то – одному мало…

Сегодня ещё, как назло, разболелся плавник, аж тошно – видно к буре! Такому на норму не набрать… Вот бы жемчуга добывать, там бы ел досыта. Но кто ж калеку возьмет!

Мира увидал, что у берега торчала железка, похожая на гнутый старый рельс, и Мира попробовал её достать, но та не поддавалась, больно тяжелая. Он сплавал за пилой – одному было сложно пилить, а старики с юнцом уплыли кто куда. С горем пополам отпилив подходящий кусок, русалка потащил его на заводской берег. Там, на закованной в камень набережной стоял человек с ведерком, полным потрохов.

– Э, калечный, принес что-то!

Мира втащил железяку на берег, человек бросил на весы и ухмыльнулся.

– Не, не заслужил ты обед! – хохотнул работник, хотя Мира даже из реки видел, что стрелка на весах слегка перевалила за заветную красную черту – полуденную норму. – Но так уж и быть, я сегодня добрый!

И с гаденькой ухмылкой он кинул русалке два рыбьих хребта с головами. По норме полагалась ещё миска требухи, но этот часто зажиливал. Старики поговаривали – ненавидел их брата, потому что дикая русалка его сестру в воду утащила, чуть не утопила.

Мира кое-как утолил голод и поплыл воевать с железкой, надеясь, что к вечеру работник сменится. На пристани, куда причаливал пароходик, на котором приезжали Главные Хозяева. Там стояли две дамы – в кружевах, с зонтиками. Одна, молодая, чьи рыжие локоны кокетливо торчали из-под шляпки, вскрикнула:

– Смотри, русалка! Русалка!

Вторая, постарше, мать или гувернантка рыжей, скривилась и отвернулась.

– Фи, какой уродец!

Рыжая подобрала юбку, подскочила к берегу и нагнулась к воде.

– Русалочка, русалочка, плыви сюда!

Та, что постарше, недовольно поджала губы, но видимо привыкла к чудачествам юной девушки, потому не стала её останавливать. Мира, чуть не впервые увидав человеческую девушку, испугался. Но она протягивала какую-то снедь. Кажется, такое ели люди…

Мира потянулся к рыжей и взял из её рук своей когтистой рукой. Девушка вздрогнула, но ладошку не отдернула.

– Ты славный, но мокрый и холодный, как рыбина… – хихикнула она.

Мира жадно съел гостинец. Было вкусно, но нутро сжалось, не принимая диковинной еды. Живот почти тут же закрутило. И как люди это едят? Уж лучше тухлых рыбьих кишок!

– Ты б не кормила его булкой, кверху брюхом всплывет, отцу нового покупать придется! – недовольно проворчала дама постарше.

Девчушка испуганно всплеснула руками:

– Как так? Брюхом кверху? Почему это?

– Потому, что эти твари ничего, кроме рыбы и мяса не едят… – дама брезгливо отвернулась.

– Прости меня, русалочка, я не знала… – глазки рыженькой стали печальными, будто её дневной нормы еды лишили.

Она подобрала юбку и побежала куда-то вглубь берега, а вредная дама последовала за ней, ворча на ходу:

– Воспитанные девушки так себя не ведут.

А Мира и не уплыл бы никуда. Кишки завертело так, что он забил хвостом и ухватился за опору пристани. Он думал, что помрет, а не помрет от боли, так на вечернюю норму точно не наработает и от голода окочурится.

Рыжая куда-то подевалась, видимо забыла о том, что хотела ещё прийти, да уж и не до рыжей-то было. Мира прикрыл глаза, принимая судьбу, но услышал шаги. Тяжелые людские сапоги грохотали по деревянной пристани, люди о чем-то спорили, а на берегу пыхтела странная паровая повозка людей.

– Ну и где этот уродец? – громко спросил один из тех, кто топал сапожищами.

– Да вот, хвост торчит!

Две пары рук дернули Миру за хвост, вытаскивая из воды. Тот попытался сопротивляться, но двое рабочих затолкали его в бочку, закрыв крышкой. В крышке были отверстия, но воды налили так мало, что Мира с трудом дышал. Бочку крутили, наклоняли поднимали, а потом поставили прямо, и под ней затарахтело.

– Трогай! – крикнул человек, который, кажется, сидел около самой бочки.

На странном человечьем языке это значило не то, что нужно дотронуться до чего-то, а приказ ехать. Повозка затарахтела ещё громче, чем до этого, бочку закачало – поехали, значит. Мира был ни жив, ни мертв от страха, он не знал, зачем и куда его везут.

Повозка тарахтела очень и очень долго, наконец остановилась, бочку сдернули с кузова, сняли крышку и выплеснули куда-то. Мира к этому времени чуть не испустил дух, потому не сразу понял, что откуда-то появилось много воды. Он ударил хвостом – места было много, как в реке, но вода обладала неприятным привкусом и запахом. Стоячая – значит заводь или маленькое озеро, а то и пруд. Мира выплыл и огляделся – и впрямь пруд, а вокруг сад, да красивый такой. Не бочка, но и не поплаваешь толком. Зато тут пахло рыбой, не тухлой, а живой.

Вон одна даже хвостом махнула. Вот так номер: в речке около завода даже мальков не водилось! Нутро ещё болело от чудной человечьей еды, но голод оказался сильнее – Мира поймал рыбеху и съел целиком. Кишки поурчали чуть и успокоились. Внутри приятно потеплело – такой хорошей еды у него уж много лет не было.

– Русалочка! Русалочка! – услышал вдруг Мира и вынырнул посмотреть. На бережку, на лесенке, стояла рыжая, ладошкой шляпку на голове придерживала. – Я папу попросила русалочку, он мне и разрешил тебя взять! Будешь у меня в пруду жить, а я тебя рыбкой кормить!

Мира аж головой мотнул, мол как так? А работать? Без работы никто не кормит! Но подтверждая слова рыжей, человек, наверное, слуга, уже принес целое ведро рыбы. Она была настолько свежей, что некоторые рыбины нет да нет дергали хвостами.

Это всё ему? Быть не может! Это за какую же работу такая награда?

Конечно, Мира не съел целое ведерко за раз – такое ни одной русалке не под силу. Но с голодухи ополовинил его, да чуть кверху брюхом не всплыл, так объелся. Больше не жадничал, да и рыжая девчушка, новая хозяйка, больше так много не приносила.

Ел он с тех пор досыта, спал до полудня. Служба так же была не тяжелой – развлекать хозяйку, когда та изволила приходить к пруду. Вот только беда – в стоячей воде совсем плавниковая гниль одолела. Кашлять стал постоянно, да такими приступами, что наизнанку выворачивало.

А хозяйка стала всё реже появляться у пруда, вместо неё кормить приходила служанка. Маленькая, тощенькая, будто русалка с завода. Поначалу девчушка пугалась, странные движения руками делала, как нечистую силу отгоняла, а потом смирилась, даже говорить стала. Сядет на бережку и про жизнь свою говорит. Мира поначалу не слушал, а потом от нечего делать – заскучал он без дела-то – стал прислушиваться.

И поразился – девчушка не лучше русалки живет. Дают ей тяжелую работу, а сами и кормят-то не досыта. Мира было решил рыбиной поделиться, пододвинул, а она руками замахала:

– Что ты, что ты, не возьму! Решат, что украла!

Мира знай двигает, мол поешь сейчас! Девчушка личико скривила, отказывается.

«Вон какая привереда!» – подумал, а потом вспомнил, как мучился с животом от куска челочьего кушанья – хлеба.

Видать у них тоже так – не едят сырой рыбы.

Рыжая, наверное, с месяц не появлялась, а потом пришла к пруду с каким-то человечьим юношей. Мира выплыл, красуется, как ему положено, а юнец только губы кривит.

– Мари, зачем тебе этот уродец? – брезгливо пробормотал юноша. – Нет бы собачку завела, или кошечку.

Хозяйка, которую, оказывается, звали Мари, покраснела и выпалила:

– А это и не моё! Отец диковинку завел, мне самой не нравится это чудище!

А к человеку так и ластится.

Мира разобиделся, нырнул, спрятался под мостками и не вылезал больше. А вечером рыжая сама пришла. Скребется по мосткам, виновато оправдывается:

– Не сердись, русалочка, мне пришлось Александру соврать… Он не очень русалок любит, а я очень хочу ему понравиться! Да ты, наверное, животное глупое, про любовь я не слыхал! – вдруг воскликнула хозяйка сердито.

Почему же, Мира слыхал. До того, как выловили, да на завод взяли, жил с матерью, отцом и братьями, их и любил. А ещё знал, что они его любят и друг друга тоже. Но рыжую простил – видно решила хозяйка с этим Александром мальков человеческих завести, вот и пытается ему понравится. Люди – они такие, всегда врут.

Но почему-то так печально стало… Мира к хозяйке привязался, полюбил. Не мальков делать хотел, как Александр, но остаться без неё будет грустно.

Потом хозяйка совсем приходить перестала. Загрустил Мира, не ест ничего, отощал. Совсем скучает. А потом нате вам, объявилась. Нарядная вся, напудренная, Мира даже не признал.

– Русалочка, – говорит, – нельзя тебе больше тут жить. Скоро я к Александру поеду, так что тебя на завод вернут. Но я распоряжусь, чтоб кормили досыта, так-то.

Думал Мира от тоски на берег броситься. Не в кормёжке дело, привязался к рыжей, хоть ты тресни. Но берег высокий, а он ослабел с голоду. Вцепился в опору мостков, решил, что на заводе уж точно уморят его.

Слышит – бочку привезли. Грузят его, он хвостом не бьёт, не противится.

– Какой-то он дохлый. Ох не довезём…

«А хоть бы и не довезли!» – думает Мира.

Поставили бочку, вот сейчас затарахтит машина. Вдруг слышит – топот лёгких ног и голос служаночкин.

– Стойте! Стойте! Хозяйка велела, чтоб этого вести не в завод, а за город, на озёра, а там и выпустить.

– Да брешешь ты, дура! – не поверили работяги. – А как пойду сам у госпожи спрошу?

Рассмеялась девушка:

– Ты спроси, я-то не пойду. Она ж осерчает на меня! Некогда ей о всяких полудохлых уродцах думать, когда свадьба на носу.

Так никто к хозяйке и не пошёл ничего выяснять.

Машину долго трясло, Мира думал конец ему пришел. Уже и глаза прикрыл…

Но вдруг машина остановилась и выплеснули его не в смрадную воду около заводской набережной, а в настоящее озеро.

Машина уехала, а Мира долго вглядывался в прекрасное небо, которого нет в городе. Под таким небом можно жить, а городское лишь для выживания подходит….

Русалки хватились вечером. Машина вернулась на завод, а пустая. Суд да дело, разузнали, что служанка не туда направила. Стали девку искать, чтоб выпороть, а её и след простыл. Никто её больше не видал в городе. Как знать, куда сбежала… Дура и есть – из хозяйского дома по своей воле уйти!